

СЕКЦИЯ 1

СУВЕРЕННОЕ ГОСУДАРСТВО И ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА

УДК 343.9.01

Александров Александр Сергеевич,
доктор юридических наук, профессор,
Нижегородская академия МВД России,
г. Нижний Новгород, Российская Федерация
anrc@rambler.ru

Правовая организация противодействия преступности в России: от Соборного Уложения 1649 г. до цифрового государства

Русская правовая организация противодействия преступности сложилась в 16–17 веках в период становления царского самодержавия. В дальнейшем авторитарной властью данная правовая система противодействия преступности совершенствовалась, но принципиально не менялась. В основе ее лежит базовое правовое отношение между авторитарной властью и бесправным человеком. К настоящему времени такая модель износилась, ее культурно-идеологические подпорки сгнили. Уголовно-правовая система теряет эффективность. Необходим отказ от традиционной русской уголовной политики. Требуется перепрограммирование правовой организации противодействия преступности на основе новой теории уголовного процесса и уголовного права.

Ключевые слова: уголовно-правовая система, уголовная политика, авторитарная власть, теория уголовного права, уголовный процесс

Aleksandrov Alexander Sergeevich
doctor of law, professor,
Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of internal affairs of Russia,
Nizhny Novgorod, Russian Federation

The legal organization of the fight against crime in Russia: from the Council Code of 1649 to the digital state

The Russian legal organization of the fight against crime took shape in the 16–17th centuries during the formation of the tsarist autocracy. In the future, the authoritarian government, this legal system of combating crime was improved, but fundamentally did not change. It is based on the basic rela-

tionship between autocratic power and a person without rights. To date, such a model has worn out, its cultural and ideological props rotted. The criminal law system is losing effectiveness. It is necessary to abandon the traditional Russian criminal policy. Reprogramming of the legal organization of combating crime is required on the basis of a new theory of criminal process and law.

Keywords: *criminal law system, criminal policy, authoritarian authority, theory of criminal law, criminal process.*

Правовая организация противодействия преступности в России создавалась и развивалась в условиях автократии.

Вначале это было царское самодержавие. Затем советская государство – диктатура партийной номенклатуры.

Матрица подобной правовой организации сложилась во времена московских судебников (1497, 1550 годов), изданием которых было отмечено становление великого московского княжества, а затем и московского царства.

Соборное Уложение 1649 г. стало решающей вехой в формировании национального правового механизма противодействия преступности [4], содержательное ядро которого (после обработки М. М. Сперанским) вошло в Свод законов Российской империи, продолжавший свое действие до конца 19 века.

Монополизация государством (бюрократией) правотворчества и функции по борьбе с преступностью исключило участие народного (общественного элемента) из уголовной политики.

Отмечу, между прочим, что вопрос о *монголо-византийском влиянии* на русскую правовую культуру и правовую организацию противодействия преступности весьма интересен, но пока не готов утверждать, что изначально история нашего уголовного права (в единстве его процессуально-материально составляющих) было определена в домосковский период.

Почти никогда на протяжении многовековой истории нельзя было помыслить спор человека/гражданина с государством на равных, в условиях устного, состязательного судебного разбирательства перед лицом независимого, объективного суда по предмету выдвинутого обвинения в уголовном преступлении.

Были короткие периоды вегетарианского, рас- или о-слабленного состояния российской государственности, когда власть вела диалог с обществом (в лице экспертного научного сообщества, в парламенте) о возможности соскочить со следственной, авторитарной правовой традиции поддержания правопорядка уголовно-правовыми средствами. Наиболее ярко, это проявилось, когда в результате Манифеста *17 октября 1905 г. Об усовершенствовании государственного порядка* в России почти появилась конституционная монархия, тогда готовились новые проекты Устава уголовного судопроизводства (1907). Что-то подобное оттепели наблюдалось в период НЭПа, когда были настоящие дискуссии: по проекту УПК РСФСР

1928 г. и шире – по трактовке «социалистического права». Можно еще вспомнить прожектёрство в сфере уголовного и уголовно-процессуального строительства конца 1980–1990-х годов, которое вылилось в Концепцию судебной реформы 1991 года.

Очень редко и недолго власть и общество пытались диалог о том, как обустроить по-новому систему обеспечения взаимной безопасности от наиболее опасных антисоциальных проявлений. Гораздо дольше и чаще были и полного попрания всяких процессуальных гарантий применения верховной властью уголовно-политической репрессии: опричнина Ивана Грозного, сталинские репрессии 1930–1940-х годов.

Хотя ни те, ни другие перегибы, надо признать, не определяют глубинный, нутряной слой правовой организации противодействия преступности в нашей стране, который имеет в своей основе монолог, а не диалог, управление авторитарной властью обществом.

Не было у нас традиции взаимодействия разных слоев общества, власти в выработке на основе консенсуса определения преступного и мер противодействия ему. Как было демократической традиции выработки уголовной политики. Будет ли и дальше действовать эта закономерность?

После распада СССР вроде открылся шанс для того, чтобы прервать авторитарный стиль уголовной политики. Многие союзные республики, ставшие самостоятельными государства, взяли курс на интеграцию с Западом и радикально поменяли если уже не всю правовую систему, то ее основы. Они переняли у европейских государств новое уголовное и уголовно-процессуальное законодательство. Одновременно с переустройством всей государственной власти в сторону правового государства. Они могли себе это позволить, отказавшись от суверенитета, национальной самости в пользу унифицированного европейского государственно-правового стандарта в сфере противодействия преступности.

Россия пошла своим путем, а именно: эволюции той исходной модели правовой организации противодействия преступности, которая была создана московским царством во времена средневековья.

Если брать основные элементы государственно-правового устройства по защите публичных и частных интересов уголовно-правовыми средствами, то и УК (1996), и УПК РФ (2000) это еще вполне себе традиционные для России законы (немного усовершенствованные советские модели). Несмотря на правозащитную риторику, идеология, понятийный аппарат, наконец, содержание этих текстов вполне программируют авторитарный – следственный тип применения уголовно-правовых норм.

Предопределена ли подобная форма уголовного правоприменения объективно, то есть самым способом существования российской цивилизации в предзаданных ей судьбой гео-климатических, духовных и прочих исторических обстоятельствах? Полагаю, что нет. Переход на принципиально иную правовую систему противодействия преступлениям (контроля преступности) возможен.

К настоящему моменту традиционная русская модель государственной власти подошла к своему историческому концу. Мы, граждане России члены речевого, информационно-коммуникативного общества, не можем себе более жить по старине и мириться в цифровую эпоху с правовыми схемами, созданными нашими дедами и прадедами.

Необходима новая – «процессуальная» теория уголовного права, которая создана представителями нижегородской академии МВД России. Основные ее положения представлены на сайте МАСП, а также в публикациях [1, с. 75–86; 2, с. 53–61; 3, с. 4–18], которые должны изменить юридический мир России.

Правовую основу противодействия преступности образует не уголовный кодекс, а уголовный процесс. Процедура (рече-мысле-деятельность) есть форма и способ бытия права, процессуального и материального.

Вся суть уголовного процесса не в розыске, не в «раскрытии и расследовании» преступления органами уголовного розыска (следственной власти) а в суде, в судопроизводстве. Судопроизводство и все судебные технологии (рече-деятельности, судовопровержения, судебного доказывания) построена по типу диалога: обвиняемого и обвинителя.

Пришло время совершенно по-другому организовать правовую защиту общества, бизнеса от преступлений (преступлений в сфере экономики, (кибер)преступности). Это означает доведение судебной реформы до построения настоящего справедливого состязательного судопроизводства, действительно независимой судебной власти, задействование потенциала коммуникативных технологий на повышение взаимодействия суда, правоохранительных органов с населением и бизнесом по вопросам обвинения и доказывания. Для этого суд надо «освободить» от власти следственной (правительственной). Уравнять права сторон на доказывание и защиты своих законных интересов до суда и в суде.

Библиографический список

1. Александров А. С., Александрова И. А., Власова С. В. Теоретическая концепция государственно-правовой организации противодействия преступности в 21 веке // Государство и право. 2019. № 9. С. 75–86.

2. Александров А. С., Власова С. В. Антидогматика: новое понимание уголовного процесса и права // Российский журнал правовых исследований. 2019. № 1. С. 53–61.

3. Александров А.С., Александрова И.А. Уголовный Кодекс + Уголовный Процесс = Уголовное право //Актуальные проблемы взаимосвязи уголовного права и уголовного процесса: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (Уфа, Институт права БашГУ, 31 октября 2016) Уфа : РИЦ БашГУ, 2016. (290 с.). С. 4–18.

4. Пусторослев П. П. Конспект лекций по особенной части русского уголовного права: Преступление и проступки против веры. Государственные преступления. Юрьев : Тип. К. Маттисена, 1902. Вып. 1. Введение. 258 с.

УДК 336.6

Савельева Ольга Евгеньевна,

доцент, Владимирский государственный университет
им. Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых,
г. Владимир, Российская Федерация
oes57@mail.ru

**Исторический аспект
института несостоятельности (банкротства)
в Российской Федерации**

В статье затрагиваются исторические вопросы института несостоятельности (банкротства) физических лиц.

Первые из дошедших до нас норм относятся ко времени издания первого свода законов Ярослава Мудрого – «Русской Правды», то есть к XI веку.

Упоминания о банкротстве граждан можно встретить в судебном своде Псковской республики, именуемом «Псковская судная грамота», созданном в 1467 году. Отдельные нормы, регулирующие процедуру банкротства граждан содержат Судебник 1497 года и 1550 года, а также Соборное уложение, изданное в 1649 году.

В Советском Союзе, в связи с отменой, понятия частной собственности законодательное регулирование процедуры банкротства физических лиц утратило свою актуальность, но ненадолго.

В нашей стране в начале 1990-х годов был ознаменован переход к рыночной экономике, что привело к необходимым социально-экономическим предпосылкам для возвращения законодательного урегулирования процедур банкротства.

Современное законодательство оказывает помощь в восстановлении платежеспособности тем гражданам, которые попали в затруднительное финансовое положение и оказались не в состоянии самостоятельно погасить свои обязательства перед кредиторами, а также защита кредиторов от недобросовестных действий должника.

Ключевые слова: несостоятельность должников, банкротство граждан, кредитор, несостоятельность государственных предприятий (банкротов), процедура банкротства.